

На правах рукописи

КОГАЙ Сергей Александрович

**РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ
ИРКУТСКОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА
(вторая половина каргинского интерстадиала – начало
сарганского стадиала)**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Иркутск – 2018

Работа выполнена на кафедре мировой истории и международных отношений исторического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутского государственного университета (ФГБОУ ВО «ИГУ»)

Научные руководители:

Медведев Герман Иванович, доктор исторических наук

Липнина Екатерина Анатольевна, кандидат исторических наук

Официальные оппоненты:

Павлов Павел Юрьевич, доктор исторических наук, *Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук*, главный научный сотрудник отдела археологии.

Тетькин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»*, доцент кафедры истории и философии Института экономики, управления и права.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук

Защита состоится 25 декабря 2018 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и официальном сайте Института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С.В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. За последние десятилетия накоплен огромный массив данных о материальных комплексах раннего верхнего палеолита Северной и Центральной Азии. Долгое время на фоне сопредельных регионов исследования синхронных палеолитических комплексов Прибайкалья отличались меньшей интенсивностью. К рубежу XX–XXI вв. в литературе фигурировали только такие местонахождения, как Военный Госпиталь, Переселенческий пункт, стоянка им. И. В. Арембовского, Макарово III, Гора Игетей, Красный Яр II–III и Хадахан, при этом часть из них упоминалась в историографическом ключе (Военный Госпиталь, Переселенческий пункт), часть не была в полной мере введена в научный оборот (стоянка им. И. В. Арембовского). Таким образом, на сегодня существует диспропорция в степени изученности региональных комплексов раннего верхнего палеолита и синхронных им объектов на сопредельных территориях, что является помехой при интеграции материалов Прибайкалья в общую картину развития палеолитических индустрий Сибири и Северной Азии. Эта ситуация прослеживается в обзорных трудах, посвященных проблематике раннего верхнего палеолита Северной Азии, где территория Прибайкалья вынужденно описывается весьма кратко (или вовсе игнорируется) [например: Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007; Вишняцкий, 2008; Дервянко, 2010, 2011]. Скудость фактических материалов раннего верхнего палеолита, характерная для всего региона Прибайкалья, прослеживалась и на территории Иркутского геoarхеологического района, однако в последнее время такое положение дел изменилось. За последние 15 лет в г. Иркутске и на прилегающих территориях проводились исследования археологических местонахождений с возрастом в диапазоне 40–24 тыс. л. н. (Щапова I, Герасимова I, Седова, Мамоны II, Спартак I, им. М. П. Аксенова), в результате которых был получен достаточный для анализа массив вещественных данных, позволяющий дополнить картину развития палеолитических индустрий региона. Новые материалы, а также обработанные старые коллекции (стоянка им. И. В. Арембовского) позволили выявить специфичную вариабельность в комплексах раннего верхнего палеолита описываемого района. В связи с этим назрела необходимость как полного ввода в научный оборот накопленных материалов, так и их интерпретации в рамках существующих концепций развития синхронных технокомплексов в общесибирском масштабе.

Объектом исследования является ранний верхний палеолит на территории Иркутского геoarхеологического района, **предметом** исследования – материальные комплексы местонахождений Мамоны II

(ур. 2), Герасимова I (ур. 2), Спартак I, Щапова I, им. И. В. Арембовского, им. М. П. Аксенова, Седова.

Цель исследования заключается в определении места индустрий раннего верхнего палеолита Иркутского геоархеологического района в общесибирском контексте развития верхнего палеолита.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать и систематизировать имеющиеся опубликованные данные по раннему верхнему палеолиту Прибайкалья, охарактеризовать существующие на сегодня региональные культурно-хронологические схемы развития палеолитических комплексов;
- провести технико-типологический анализ каменных индустрий (Мамоны II (2 ур.), Герасимова I (2 ур.), Спартак I, Щапова I, им. И. В. Арембовского, им. М. П. Аксенова, Седова);
- на основе естественнонаучных данных (стратиграфические описания, палеонтологические определения, абсолютные датировки) определить возрастные позиции изучаемых комплексов;
- опираясь на данные анализа материальных комплексов, выявить наличие либо отсутствие культурной и хронологической вариабельности в рассматриваемых индустриях;
- провести сравнительный анализ с синхронными материалами местонахождений сопредельных территорий для определения схожих и специфических черт.

Территориальные рамки исследования определены границами Иркутского геоархеологического района, занимающего южную оконечность Иркутско-Черемховской равнины [Генералов и др., 2001; Медведев, Воробьева, 1998; Медведев и др., 1996]. С запада район ограничен отрогами Восточного Саяна, с востока – Приморского хребта. Северная граница условна, в рельефе не выражена, проходит по линии долины реки Куда, правого притока Ангары. Южная граница представляет собой южную границу Иркутско-Черемховской равнины, условно ее можно провести по линии Курминского залива Иркутского водохранилища. Фактически же все исследуемые местонахождения сосредоточены на территории г. Иркутска и в его окрестностях.

Хронологические рамки определены временем существования рассматриваемых в работе комплексов раннего верхнего палеолита. Абсолютные временные границы исследования маркируются с одной стороны датировкой культуросодержащих отложений местонахождения Щапова I – 39900 ± 1285 (СОАН–5569), с другой – серией датировок культуросодержащих отложений местонахождения Седова в пределах 25–24 тыс. л. н. В региональной климато-стратиграфической шкале этот

временной диапазон приходится на вторую половину каргинского – начало сартанского термохрона. В работе приводятся некалиброванные датировки.

Методика исследования. В диссертационной работе были использованы общенаучные (описание, обобщение, классификация, анализ, синтез, метод аналогий, реконструкция, корреляция), частнонаучные исторические (метод критики источника, историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический методы) и конкретно-проблемные методы палеолитоведения (технико-типологический).

Защищаемые положения:

1. Существующие региональные культурно-хронологические схемы, включающие ранний верхний палеолит Прибайкалья, не содержат единой хронологии и общих характеристик индустрий данного подразделения палеолита, что свидетельствует о мозаичности самого явления.
2. На основании анализа блока естественнонаучных данных с одной стороны, и технико-типологического анализа археологических материалов с другой, в индустриях начала верхнего палеолита Иркутского геoarхеологического района выделяется два последовательных варианта. Первый (мамонская группа) в хронометрическом отношении принадлежит к интервалу 40–28 тыс. л. н., характеризуется использованием местного галечного не крупного сырья низкого качества, отщеповой направленностью первичного расщепления с минимальной подготовкой нуклеусов, присутствием в орудийных наборах как среднепалеолитических, так и верхнепалеолитических типов и наличием предметов не утилитарного назначения в развитом технологическом исполнении. Второй вариант индустрий района (арембовская группа) относится к интервалу 26–24 тыс. л. н., характеризуется использованием качественного изотропного сырья, пластинчатой направленностью производства заготовок в рамках преобладающего плоскостного продольного и бипродольного расщепления, доминированием в орудийных наборах верхнепалеолитических типов.
3. Технико-типологический анализ индустрий раннего верхнего палеолита Иркутского геoarхеологического района показал отсутствие генетических связей между выявленными двумя вариантами.
4. На основе корреляции материалов комплексов раннего верхнего палеолита Иркутского геoarхеологического района с синхронными индустриями сопредельных территорий определено, что мамонская группа индустрий является локальным проявлением технологической адаптации древнего населения к низкокачественным сырьевым ресурсам, по составу и облику предметов не утилитарного назначения при этом

находит наиболее близкие аналогии в Западном Забайкалье (Хотык) и Кузнецком Алатау (Малая Сья); арембовская группа же представляет собой позднюю вариацию ранневерхнепалеолитических индустрий с характерным для них набором технологических приемов в первичном расщеплении и схожим орудийным компонентом.

Новизна исследования. На основе полного введения в научный оборот материалов объектов раннего верхнего палеолита Иркутского геoarхеологического района и анализа естественнонаучного блока данных предложена новая картина развития каменных индустрий региона в период 40–24 тыс. л. н. Впервые выделяется два хронологически последовательных варианта индустрий на данной территории, не связанных друг с другом наследованными технологическими решениями в каменном производстве; также впервые производится корреляция с синхронными комплексами сопредельных территорий.

Источниковая база. Работа основана на анализе коллекционных материалов палеолитических местонахождений Мамоны II (раскопки 2011–2012 гг., под рук-вом Е. О. Роговского, ИГУ) – 2746 экз., Герасимова I (раскопки 2007–2009 гг., под рук-вом Г. И. Медведева и Е. А. Липниной, ИГУ) – 1919 экз., Спартак I (раскопки 2012–2013 гг., под рук-вом М. Ю. Семина, ЦСН Иркутской области) – 312 экз., Щапова I (раскопки 2001 г., под рук-вом А. С. Козырева, ИГУ) – 353 экз., им. И. В. Арембовского (раскопки 1989 г., под рук-вом М. Ю. Семина, ИГУ) – 15423 экз., им. М. П. Аксенова (раскопки 2016 г., под рук-вом М. Ю. Семина, ЦСН Иркутской области) – 324 экз., Седова (раскопки 2009–2010 гг., под рук-вом Е. О. Роговского, ИГУ) – 151 экз. Также использованы данные естественнонаучных исследований – палеонтологические определения (канд. геогр. наук А. М. Клементьев – ИЗК СО РАН; канд. биол. наук Ф. И. Хензыхенова – ГИН СО РАН), радиоуглеродное датирование (Лаборатория геохимии изотопов и геохронологии ГИН РАН, Лаборатория геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГМ СО РАН, Центр коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» СО РАН, AMS-лаборатория Оксфордского университета, Лаборатория радиоуглеродного датирования Токийского университета, Корейский институт наук о Земле и минеральных ресурсах, Лаборатория радиоуглеродного датирования Калифорнийского университета в Ирвайне), петрографические определения (Е. П. Денисенко – Иркутскгеофизика), результаты палеопедологических и геологических наблюдений (канд. биол. наук Г. А. Воробьева, С. Л. Куклина, Е. Б. Ощепкова – ИГУ; И. В. Стерхова – ЦСН Иркутской области; д-р геол.-мин. наук Е. А. Слагода – ИКЗ СО РАН).

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы для написания обобщающих работ по палеолиту Прибайкалья и сопредельных территорий, составления учебных спецкурсов по археологии каменного века. Кроме того, естественнонаучный блок данных, полученный при исследовании описываемых комплексов, может быть применен как для уточнения региональной климато-стратиграфической шкалы верхнего плейстоцена, так и для корреляций с палеоэкологическими обстановками соседних областей в верхнеплейстоценовую эпоху.

Апробация работы. Основные положения диссертационного сочинения опубликованы в 14 научных работах на русском и английском языках, в том числе трех статьях в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации, а также были представлены в докладах на российских и международных конференциях в г. Токио (2010 г.), г. Красноярске (2010 г.), г. Казани (2014 г.), г. Иркутске (2015 г.), на заседаниях Отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН в г. Новосибирске (2010, 2016, 2017 гг.).

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и двух приложений (альбома иллюстраций и статистических таблиц). Материал в главах 2 и 3 приводится в следующей последовательности: от более информативных к менее содержательным комплексам.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность и научная значимость темы, объектно-предметная область исследования, хронологические и территориальные рамки, сформулированы цель и задачи работы, охарактеризованы основные методологические принципы исследования, его источниковая база, приведено толкование основных терминов.

Первая глава «Характеристика палеолита Иркутского геoarхеологического района» представляет собой исторический и историографический обзор, в котором выделены основные этапы истории исследования палеолитических комплексов рассматриваемой территории и приведены существующие на сегодня концепции развития палеолита региона.

В разделе *1.1. «История изучения палеолита на территории Иркутского геoarхеологического района»* обосновывается пятичленная этапность региональной истории исследования палеолита. В ее основании лежат степень интенсивности проведения раскопочных работ, динамика

организации археологического научного сообщества и общие тенденции развития археологического научного знания в Сибири.

Первый этап (1871–1918 гг.) в организационном плане связан с деятельностью Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и во многом носил любительский, собирательный характер. В это время во многом случайно обнаружены местонахождения Военный Госпиталь и Верхоленская Гора.

Второй этап (1918–1937 гг.) связан с именем Б. Э. Петри и основанной им в Иркутске археолого-этнографической (палеоэтнологической) научной школой. Этап характеризуется научной организацией процесса раскопок, их интенсификацией, подготовкой поколения профессиональных археологов. В данное время была обнаружена стоянка у иркутского переселенческого пункта (впоследствии названная в честь ее первооткрывателя М. М. Герасимова), велись методичные планомерные раскопки Верхоленской Горы.

Третий этап (1937–1956 гг.) в силу объективных причин был скуден на полевые и кабинетные исследования. Основное его содержание – разведочные раскопки и сбор экспонированного материала в районе Военного Госпиталя с целью обнаружения концентрации археологического материала.

Четвертый этап (1956–1989 гг.) выделен по организационному признаку – для широкомасштабного обследования будущего ложа Братского водохранилища были созданы срочные научные коллективы, что привело в Восточную Сибирь плеяду исследователей из столичных научных центров. Масштабные работы этого времени стали стартовой подготовкой нового поколения археологов и определили вектор тематических и методологических исследований на территории Восточной Сибири на десятилетия, хотя интерес к палеолиту описываемой в данной работе территории носил в это время скорее историографический характер.

Пятый этап (1989 г. – настоящее время) характеризуется большим количеством спасательных работ в связи с возросшей хозяйственной деятельностью в Иркутске и прилегающих к нему окрестностях. В это время обнаружен и раскопан основной массив палеолитических местонахождений, задействованных в настоящем исследовании.

Раздел 1.2. *«Культурно-хронологическая характеристика палеолитических комплексов Иркутского геoarхеологического района»* освещает основные концепции развития регионального палеолита.

В первых сводках сибирского палеолита А. С. Уварова и Б. Э. Петри немногочисленные палеолитические материалы из Иркутска (Военный Госпиталь, стоянка у переселенческого пункта, Верхоленская Гора) лишь

сравниваются с европейскими синхронными по мнению исследователей комплексами без попыток проследить их генезис.

В более поздних обобщающих работах их авторы ставят перед собой цель объяснить возникновение культур древнекаменного века в Сибири с позиций эволюционизма (Г. П. Сосновский), стадиализма (П. П. Ефименко), миграционизма (А. П. Окладников), обладая, по сути, одним и тем же набором данных о региональном палеолите. Определенным итогом этого периода в историографии стал капитальный труд В. Е. Ларичева «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии» в двух томах [Ларичев, 1969, 1972], в котором исследователь произвел критический анализ наработок предшественников.

С 1960-х гг. Г. И. Медведевым с исследовательской группой ИГУ осуществлялся планомерный поиск домальтинских археологических комплексов в долине Ангары, в результате чего было обосновано принципиальное наличие и гетерохронность старших по отношению к мальтинско-буретской культуре стоянок. В своей докторской диссертации «Палеолит Южного Приангарья» Г. И. Медведев предложил четырехчастное хронологическое подразделение палеолитических комплексов региона [Медведев, 1983]. К первой хронологической группе исследователь относил раннепалеолитические комплексы тарахайского и олонского пластов с хронологией около 200 тыс. л. н., с сильно коррадированными артефактами архаичного облика. Вторая хронологическая группа представлена макаровским пластом, для которого характерна слабая и средняя степень корразии поверхностей артефактов, использование плоскостного параллельного и субпараллельного принципов скальвания для получения заготовок–пластин, микрорасщепление, в орудийных наборах – наличие концевых скребков на пластинах, срединных и трансверсальных резцов, острий с бифасиально оформленными проксимальными частями. Хронология макаровского пласта была определена Г. И. Медведевым в рамках 60–40 тыс. л. н. К третьей хронологической группе были отнесены индустрии «классического» верхнего палеолита с хронодиапазоном 30–21 тыс. л. н. В четвертую хронологическую группу Г. И. Медведевым отнесены финальноверхнепалеолитические объекты 17–12 тыс. л. н.

Данная схема членения регионального палеолита надолго закрепилась в историографии как опорная, новые материалы вписывались в нее, корректируя как хронологические границы, так и географическое распространение «пластов». Такими культурно-хронологическими схемами являются периодизации А. В. Волокитина на палеолитических материалах Ангаро-Окинского расширения Братского водохранилища [Волокитин, 1982], дополнившая и переосмыслившая ее концепция

М. А. Глушенко [2017], а также схема В. М. Новосельцевой, обоснованная ею на палеолитических материалах Осинско-Унгинского георхеологического района (Южное Приангарье) [Новосельцева, 2011].

Несмотря на принципиально единые методологические основания в выделении культурно-хронологических подразделений палеолита, ранневерхнепалеолитический этап понимался исследователями по-разному. Предложивший четырехчастную схему Г. И. Медведев изначально позднекаргинские и ранне- – среднесартанские комплексы поместил в одно подразделение, третью хронологическую группу, отметив при этом вариабельность составляющих ее индустрий. В схеме А. В. Волокитина комплексы на Средней Ангаре возрастом между 50 и 20 тыс. л. н. отсутствуют вовсе (в силу их невыявленности в регионе к тому времени). В. М. Новосельцева к ранневерхнепалеолитическим индустриям Осинско-Унгинского георхеологического района (второй этап) относит комплексы из каргинских – сартанских отложений с достаточно разнообразными характеристиками. В схеме же М. А. Глушенко к ранневерхнепалеолитическим комплексам отнесены две разновозрастные группы индустрий. Объединяет эти схемы практическое отсутствие абсолютных датировок описываемых комплексов, что, конечно же, затрудняет их интерпретацию.

Таким образом, существующие на сегодня региональные культурно-хронологические схемы развития палеолитических индустрий сильно расходятся в оценках комплексов, относящихся к периоду 40–24 тыс. л. н. Зачастую это вызвано скудостью фактической базы, при этом имеющиеся материалы указывают на то, что в основе такой мозаичности характеристик и разного подхода к выделению хронологических границ раннего верхнего палеолита лежит вариабельность индустрий Прибайкалья. При изучении коллекций ранневерхнепалеолитических комплексов Иркутского георхеологического района такая вариабельность была обнаружена, что позволило разделить индустрии на две группы, что нашло отражение в структуре описательных глав данной работы.

Во второй главе **«Комплексы раннего верхнего палеолита мамонской группы»** изложены характеристики ранневерхнепалеолитических индустрий мамонской группы.

Раздел *2.1. Местонахождение Мамоны II* посвящен характеристике стратиграфического строения геологических напластований, фаунистических остатков, хронометрии отложений и анализу каменной индустрии 2-го культуросодержащего уровня стоянки Мамоны II.

В стратиграфическом разрезе зафиксировано шесть литологических слоев. Седименты слоя 3, содержащие археологические материалы 1-го

культуросодержащего уровня, представлены в компрессионном нерасчленяемом виде. Морфология и литологический состав данных отложений указывает на сартанский возраст их формирования. Обнаруженные здесь фаунистические остатки принадлежат *Equus sp.*, *Cervidae gen.*, *Rangifer tarandus*, *Alces alces*, *Canis lupus*; в целом, такой биоценоз характерен для холодного сухого климата, бытовавшего на описываемой территории во второй половине раннесартанского времени (21–18 тыс. л. н.). Отложения слоя 4 накапливались во время второй половины каргинского межледниковья. В солифлюкционные процессы, осложненные образованием криотрещин, начавшиеся в раннесартанское время, был вовлечен позднекаргинский палеопедагокомплекс вместе с включенными в него археологическими материалами. Фаунистические остатки принадлежат *Equus sp.* и *Bison priscus*, также отмечены *Alces sp.*, *Coelodonta antiquitatis*, *Mammuthus sp.*, *Rangifer tarandus*, *Gulo gulo*, *Cervidae gen.*, *Aves*. Данная фаунистическая ассоциация и абсолютные датировки по костным остаткам 31400±150 л. н. (ГИН–8480), 33080±1138 (NskA–(s418)) и 40700±1300 (OxA–27848) подтверждают позднекаргинский возраст изначального формирования слоя 4 [Клементьев, 2013].

Каменная коллекция 2-го культуросодержащего уровня насчитывает 2318 экземпляров. Преобладающим сырьем является кварцит, на его долю приходится 72,9 %. Далее по убывающей присутствуют кремнистые (12 %) и эффузивные (10,2 %) породы, кварц и аргиллит в сумме насчитывают менее 5 %. К категории инструментария относятся два отбойника из кварцитовых галек. В коллекции 2-го уровня 29 нуклевидных изделий.

Табл. 1. Нуклевидные изделия 2-го культуросодержащего уровня местонахождения Мамоны II.

тип нуклеуса	экз.
<i>плоскостные</i>	
радиальные	5
продольные	1
поперечные	6
<i>объемные</i>	
подпирамидальные	2
подцилиндрические	1
<i>бессистемные</i>	2
<i>нуклевидные обломки</i>	12
Итого	29

Индустрия сколов 2-го уровня насчитывает 1151 экземпляр, в том числе 25 технических сколов, 1100 отщепов, 6 пластин и 20 пластинок.

Технические сколы представлены пятью реберчатыми, одним полуреберчатым сколом и пластиной, 14 сколами подживления фронта нуклеуса и четырьмя сколами подправки площадки. Отходы производства в виде обломков, осколков и чешуек насчитывают 1078 экз.

Орудийная коллекция 2-го уровня насчитывает 58 экземпляров, заготовками выступали отщепы (81 %), пластины (17,3 %) и гальки (1,7 %).

Табл. 2. Орудийный набор 2-го культуросодержащего уровня местонахождения Мамоны II.

тип орудия	экз.
чоперы	1
скребла одинарные продольные прямые	3
скребла одинарные продольные выпуклые	1
скребла поперечные выпуклые	1
шиповидные	2
скребки концевые	8
скребки боковые	2
резцы угловые однофасеточные	1
резцы угловые многофасеточные	1
долотовидные двойные	2
долотовидные одинарные	3
пластины с ретушью по одному краю	5
пластины с ретушью по обоим краям	5
отщепы с эпизодической ретушью	2
фрагменты орудий	16
заготовки	5
Итого	58

Коллекция предметов неутилитарного назначения насчитывает три экземпляра. Все они изготовлены из мягкой каменной породы, разновидности тальцитов.

На основе анализа имеющихся данных возможно реконструировать две основных стратегии расщепления камня. В первом случае в качестве преформы выбиралась галька с плоскими естественными гранями. Параллельное однонаправленное расщепление начиналось вероятно с продольного или поперечного рассечения гальки. В качестве ударной площадки выбиралась плоская естественная поверхность заготовки, смежная с плоскостью рассечения под удобным для расщепления углом. Снятие сколов производилось в зависимости от состояния рельефа рабочей поверхности, без соблюдения какой-либо определенной очередности. Итогом такого расщепления были отщепы, гораздо реже пластины. Дальнейшее расщепление приводило к изменению формы

нуклеуса, конечный его облик становился подпирамидальным или подцилиндрическим. В рамках второй стратегии результатом расщепления были исключительно отщепы. Преформой служили овальные гальки без ярко выраженных плоских участков на поверхности, которые могли бы быть использованы в качестве ударных площадок. Продольно рассеченная заготовка утилизировалась при помощи радиального способа скалывания. Присутствующие в коллекции пластинки, преимущественно изготовленные из кремнистого сырья, не находят отражения их производства в нуклеусах.

В качестве заготовок для орудий в подавляющем большинстве случаев использовались отщепы. Немногочисленный орудийный набор сочетает в себе среднепалеолитические и верхнепалеолитические типы, при этом в его составе нет ярких маркирующих форм. Основным приемом вторичной обработки выступает дорсальная чешуйчатая ретушь с углом наклона от полукрутой до крутой; в редких случаях зафиксирована субпараллельная и параллельная ретушь. Также присутствует техника резцового скола и подтеска.

Предметы неутилитарного назначения из мягких пород демонстрируют применение в их изготовлении таких приемов обработки как резание и шлифовка. Все изделия несут на себе схожие мотивы в орнаментации – ритмично повторяющиеся насечки по абрису.

Раздел 2.2. *Местонахождение Герасимова I* посвящен характеристике стратиграфического строения геологических напластований, фаунистических остатков, хронометрии отложений и анализу каменной индустрии 2-го культуросодержащего уровня стоянки Герасимова I.

В стратиграфическом разрезе зафиксировано шесть литологических слоев. Седименты слоев 3–4 формировались в сартанское время, что подтверждают датировки из подошвы слоя 4, полученные по костным остаткам, залегавшим совместно с археологическим материалом (1-ый культуросодержащий уровень) – 17950±140 (СОАН–6871), 18120±130 (СОАН–6868), 18440±200 (СОАН–6870), 19210±195 (СОАН–7220), 19830±220 (СОАН–7232), 21700±290 (СОАН–7537), 21970±340 (СОАН–7535), 22345±290 (СОАН–7536). Эти датировки отражают хронологию второй половины раннесартанского времени. Подтверждают такой возраст и определения фаунистических остатков – среди определяемых видов представлены характерные для второй половины *Sr¹ Equus sp.*, *Rangifer tarandus*, *Coelodonta antiquitatis*, *Aves*, *Martes zibellina*. Пачка слоя 5 накапливалась в течении второй половины каргинского интерстадиала; в начале сартанского похолодания в солифлюкционные процессы были вовлечены обе позднекаргинских палеопочвы (Kr^{2os^2} и Kr^{2os^1}). Абсолютные датировки по костным остаткам подтверждают атрибуцию

слоя 5 как сформировавшегося изначально во время второй половины каргинского межледниковья – 26985±345 (СОАН–7221), 28240±370 (СОАН–7329), 28300±270 (СОАН–7331), 28350±300 (СОАН–7539), 28700±260 (СОАН–7222), 29110±285 (СОАН–7538), 32110±260 (КГМ–857), 33610±370 (СОАН–7540), 35890±420 (СОАН–7541), 36750±380 (КГМ–856). Фаунистические остатки из слоя 5 принадлежат *Bison priscus/Bos sp.* и *Equus sp.*, также присутствуют *Rangifer tarandus*, *Cervus elaphus*, *Coelodonta antiquitatis*, *Mammuthus primigenius*, *Alopex lagopus*, что является стандартным биоценозом в регионе в позднекаргинских отложениях [Клементьев, 2013; Khenzykhenova et al., 2011].

Каменная индустрия 2-го культуросодержащего уровня содержит 1743 экземпляра. Сырье представлено кварцитами (67,2 %), кварцем (19,6 %), эффузивами (9,1 %), аргиллитом (3 %) и кремнистыми породами (1,1 %). К категории инструментария относятся три отбойника из кварцитовых и эффузивных галек. Нуклевидные изделия 2-го уровня насчитывают 36 экземпляров.

Табл. 3. Нуклевидные изделия 2-го культуросодержащего уровня местонахождения Герасимова I.

тип нуклеуса	экз.
<i>плоскостные</i>	
радиальные	5
продольные	3
поперечные	2
<i>объемные</i>	
подпирамидальные	1
пирамидальные	5
<i>с единичными сколами апробации</i>	2
<i>нуклевидные обломки</i>	18
Итого	36

Индустрия сколов насчитывает 770 экземпляров, в том числе семь технических сколов, 750 отщепов, девять пластин и четыре пластинки. Технические сколы представлены двумя сколами подживления фронта, тремя реберчатыми сколами и двумя полуреберчатыми пластинами. Отходы каменного производства (обломки, осколки, чешуйки) насчитывают 892 экз.

Орудийный набор 2-го уровня насчитывает 42 экземпляра, заготовками выступали сколы исключительно отщеповых пропорций.

Табл. 4. Орудийный набор 2-го культуросодержащего уровня местонахождения Герасимова I.

тип орудия	экз.
скребла одинарные продольные прямые	2

скребла одинарные продольные выпуклые	1
скребла двойные продольные выпуклые	1
скребла конвергентные прямые	1
скребла конвергентные выпуклые	1
скребла поперечные прямые	3
скребла поперечные выпуклые	2
скребла диагональные	1
скребла диагональные бифасиальные	1
бифасы	3
ножи с естественным обушком	1
шиповидные	1
скребки концевые	4
скребки веерообразные	2
скребки двойные	1
отщепы с эпизодической ретушью	6
фрагменты орудий	11
Итого	42

К предметам неутилитарного назначения относится пять изделий. Четыре из них изготовлены из тальцитов, один – из органического сырья (предположительно рога).

На основе анализа имеющихся данных возможно реконструировать две стратегии расщепления камня. В целом первичное расщепление характеризуется минимальной подготовкой преформы. Вероятно, расщепление гальки начиналось с ее продольного или поперечного раскалывания. Полученные в результате преформы с плоской рабочей поверхностью в дальнейшем утилизировались в двух разных системах скалывания, параллельной и радиальной, которые легли в основу выделения двух стратегий. В первом случае, у расщепленной гальки для ударной площадки выбирался уплощенный участок галечной поверхности, прилегающий к фронту, организованному в зоне расщепления заготовки. По мере необходимости производилась подправка рабочей поверхности со стороны латералей и основания. Результатом такого плоскостного параллельного однонаправленного расщепления являлись как отщепы, так и в гораздо меньшей степени пластины. Дальнейшая утилизация нуклеуса в рамках этой стратегии, если позволял объем, приводила к закономерному уменьшению его линейных размеров, а также увеличению выпуклости дуги скалывания, вызванному подправками латералей. В конечном итоге остаточная форма нуклеуса становится подпирамидальной. Вторая стратегия расщепления связана с использованием овальных в плане расщепленных галек, не имеющих плоских участков на прилегающих к фронту естественных поверхностях,

расположенных под удобным для расщепления углом. Скальвание производилось радиальным способом, без подготовки площадок, результатом являлись отщепы. В конечном итоге радиальный нуклеус, редуцируясь в размерах, трансформировался в пирамидальный. Имеющиеся в коллекции немногочисленные пластинки не находят подтверждения их серийного производства.

В качестве заготовок для изготовления орудий использовались исключительно отщепы. Наиболее представительной как в типологическом, так и в количественном плане является группа скребел, демонстрирующая достаточно высокую степень модификации. Обращает на себя внимание присутствие в индустрии бифасиально обработанных изделий. Остальные типологически выраженные орудия – разнообразные скребки, ножевидные и шиповидные изделия – как правило отражают слабую и среднюю степень модификации. Основным приемом вторичной обработки в материалах второго культуросодержащего уровня выступает чешуйчатая захватывающая, реже распространенная ретушь, как правило дислоцированная на дорсальных поверхностях; также отмечена субпараллельная ретушь. В редких случаях на орудиях фиксируется подтеска ударного бугорка.

Предметы неутилитарного назначения из мягких пород и рога демонстрируют применение в их изготовлении развитых навыков и умений древних мастеров – резания, биконического встречного сверления, шлифовки. Большинство предметов несут на себе интенсивную орнаментацию в виде ритмичных насечек.

Раздел 2.3. *Местонахождение Спартак I* посвящен характеристике стратиграфического строения геологических напластований, фаунистических остатков, хронометрии отложений и анализу каменной индустрии стоянки Спартак I.

В стратиграфическом разрезе зафиксировано семь литологических слоев. Строение слоев 4–5, присутствие в них карбонатных новообразований указывают на их сартанский возраст, предположительно, толща слоя 4 формировалась во время Sr^{2-3} ; отложения слоя 5 соотносятся со второй половиной раннесартанского похолодания. В слое 6 зафиксированы солифлюкционные процессы, протекавшие здесь в первой половине Sr^1 ; они привели к переотложению позднекаргинских седиментов с включенными в них археологическими и фаунистическими материалами. Фаунистические остатки принадлежат *Equus sp.* и *Bison priscus*, также отмечены *Rangifer tarandus*, *Cervus elaphus*, *Coelodonta antiquitatis*, *Mammuthus primigenius*. Данный набор видов характерен для фаунистических ассоциаций позднекаргинского времени.

Каменная индустрия насчитывает 312 экземпляров. Сырье представлено кварцитами (45,5 %), эффузивами (41,3 %), кремнистыми породами (10,6 %), аргиллитом (2,3 %) и кварцем (0,3 %). К категории инструментария относятся четыре отбойника. Нуклевидные изделия насчитывают 13 экземпляров.

Табл. 5. Нуклевидные изделия местонахождения Спартак I.

тип нуклеуса	экз.
<i>плоскостные</i>	
радиальные	2
продольные	1
поперечные	4
<i>нуклевидные обломки</i>	6
Итого	13

Индустрия сколов насчитывает 108 экз., в том числе два технических скола, 104 отщепа и две пластины. Оба технических скола, из кварцита и кремня, являются сколами подживления фронта. Категория отходов производства, насчитывающая 141 экз., включает в себя колотые гальки, обломки, осколки и чешуйки.

Орудийная коллекция достаточно многочисленна, насчитывает 46 экз.

Табл. 6. Орудийный набор местонахождения Спартак I.

тип орудия	экз.
чопперы	1
скребла одинарные продольные прямые	2
скребла двойные продольные прямые	1
скребла конвергентные выпуклые	1
скребла поперечные прямые	6
скребла поперечные выпуклые	8
шиповидные	2
скребки высокой формы	1
скребки боковые	1
проколки	2
тесловидные	3
комбинированные	5
пластины с эпизодической ретушью	1
отщепы с эпизодической ретушью	5
фрагменты орудий	3
заготовки	4
Итого	46

В целом первичное расщепление было направлено на получение отщепов и реже пластин, для чего использовался плоскостной принцип с

радиальным (для отщепов) и параллельным однонаправленным (для отщепов и пластин) способами скалывания. Орудийный набор этому не противоречит – основным типом заготовки для орудий служили широкие отщепы, зачастую достаточно массивные.

Орудийная коллекция разнообразна, содержит как среднепалеолитические, так и верхнепалеолитические типы, среди которых выделяются скребок высокой формы и тесловидные изделия. Основным приемом вторичной обработки выступает дорсальная чешуйчатая полукрутая и крутая захватывающая ретушь. Реже встречается краевая ретушь, субпараллельная же отмечена в единичных случаях. Техника резцового скола присутствует на единственном орудии.

Раздел 2.4. *Местонахождение Щапова I* посвящен характеристике стратиграфического строения геологических напластований, фаунистических остатков, хронометрии отложений и анализу каменной индустрии стоянки Щапова I.

В стратиграфическом разрезе зафиксировано 10 литологических слоев. По интерпретации исследователей местонахождения [Козырев, Слагода, 2008], культуросодержащие отложения слоя 6 формировались в раннекаргинское время, залегают на позднемуруктинских седиментах. Перекрывающий культуросодержащие отложения слой 7 представляет собой компрессионную пачку уже сартанского возраста. Отсутствие позднекаргинских отложений авторы связывают с эрозийной деятельностью временного водотока [Козырев, Слагода, 2008]. Однако, отталкиваясь от описания разреза, невозможно категорично говорить о раннекаргинском возрасте слоя 6. Его строение, механический состав и морфология явно указывают на переотложенный характер, а исходные отложения имели разное генетическое происхождение. Представляется более вероятным сценарий, когда в процесс переотложения были вовлечены разновозрастные седименты (поздне- и раннекаргинского времени). Такое развитие событий косвенно подтверждает радиоуглеродная датировка, полученная по фаунистическим остаткам, залегавшим в слое 6, и документирующая вторую половину каргинского интерстадиала – 39900 ± 1285 (СОАН-5569). Таким образом, хронологическая атрибуция индустрии находится в широких пределах всего каргинского термохрона, однако, исходя из абсолютной датировки, в качестве возраста культурных остатков более предпочтительным выглядит отрезок 40–35 тыс. л. н. Фаунистические остатки, залегавшие совместно с археологическим материалом в слое 6, не содержат определяемых образцов.

Каменная индустрия Щапова I насчитывает 352 экземпляра. Сырье представлено эффузивами (58,5 %), кварцитами (36,6 %), кварцем (2,6 %),

микрочварцитом (1,4 %) и аргиллитом (0,9 %). Отбойник в коллекции один, представляет собой кварцевую гальку с забитостями на обоих терминалах. В каменной коллекции насчитывается пять нуклевидных изделий.

Табл. 7. Нуклевидные изделия местонахождения Щапова I.

тип нуклеуса	экз.
<i>плоскостные</i>	
продольные	1
поперечные	1
<i>нуклевидные обломки</i>	3
Итого	5

Индустрия сколов насчитывает 103 экз., в том числе 102 отщепа и одну пластину. Категория отходов производства включает в себя колотые гальки, обломки, осколки и чешуйки, насчитывает 234 экз.

Всего в орудийной коллекции Щапова I насчитывается девять экземпляров.

Табл. 8. Орудийный набор местонахождения Щапова I.

тип орудия	экз.
острия	1
скребла двойные продольные прямые	1
скребла конвергентные выпуклые	3
скребла поперечные выпуклые	1
резцы угловые однофасеточные	2
отщепы с эпизодической ретушью	1
Итого	9

К категории предметов неутилитарного назначения относится фрагмент изделия на плоской гальке, вероятно изначально овальной формы.

Анализ морфологии орудий указывает, что целью расщепления могло быть получение массивных крупных укороченных заготовок. первичное расщепление было направлено на получение массивных крупных укороченных заготовок. Вторичная обработка в основном представлена чешуйчатой ретушью, также присутствует техника резцового скола, в остальном же скудная орудийная коллекция не содержит маркирующих изделий, характерных для верхнепалеолитических индустрий.

Предмет неутилитарного назначения несет на себе следы применения выбивки и встречного биконического сверления.

В третьей главе «Комплексы раннего верхнего палеолита арембовской группы» изложены характеристики ранневерхнепалеолитических индустрий арембовской группы.

Раздел 3.1. Местонахождение им. И. В. Арембовского посвящен характеристике стратиграфического строения геологических напластований, фаунистических остатков, хронометрии отложений и анализу каменной индустрии стоянки им. И. В. Арембовского.

В стратиграфическом разрезе зафиксировано пять литологических слоев. В результате многолетней перепашки сартанские седименты были уничтожены. В разрезе под слоем 2 эпизодически фиксируются криоструктуры с уничтоженными верхними частями, заполнителем которых выступает белесоватый суглинок – вероятно, это сохранившиеся финальносартанские отложения. Данные морозобойные трещины местами разрывают нижележащие отложения вплоть до коры выветривания. Строение и морфологический облик седиментов слоя 3 указывают на его позднекаргинский возраст, вероятно здесь представлен непо потревоженный солифлюкционными процессами осинский палеопедеокомплекс с уничтоженными в позднейшее время верхними отделами. Археологический и многочисленный фаунистический материал был зафиксирован в подошве слоя 2 и по всей толще слоя 3. Фаунистические остатки принадлежат *Mammuthus sp.*, *Equus sp.*, *Bos/Bison sp.*, *Rangifer tarandus*, что является характерным для фаунистических ассоциаций позднекаргинского времени на описываемой территории. В 2014 году было произведено AMS-датирование костных образцов из раскопчных работ 1989 года. Полученные датировки 25000 ± 280 (UCIAMS-144530), 25960 ± 230 (UCIAMS-144531) подтверждают предложенную возрастную атрибуцию комплекса.

Всего коллекция каменных артефактов местонахождения насчитывает 15423 экземпляра. Подавляющее количество материала в сырьевом плане представлено аргиллитом (99,5 %); также в коллекции присутствуют кремь (0,2 %), кварцит (0,2 %) и эффузив (0,1 %).

Нуклеидные изделия (3,8 %) насчитывают 410 экземпляров.

Табл. 9. Нуклеидные изделия местонахождения им. И. В. Арембовского.

тип нуклеуса	экз.
<i>плоскостные</i>	
радиальные	3
леваллуазские	4
продольные	31
продольные альтернативные	6
бипродольные	62
поперечные	4
бипоперечные	7
конвергентные	1
конвергентные поперечные	4

ортогональные	2
ортогональные двусторонние	1
<i>объемные</i>	
подцилиндрические	1
подцилиндрические встречного скалывания	5
подцилиндрические ортогональные двусторонние	1
<i>комбинированные</i>	1
<i>бессистемные</i>	12
<i>заготовки</i>	20
<i>с единичными сколами апробации</i>	3
<i>нуклевидные обломки</i>	243
Итого	410

Индустрия сколов местонахождения насчитывает 10921 экземпляр (94,2 %), в том числе 638 технических сколов, 2724 пластины, 112 пластинок и 6817 отщепов. Технические сколы представлены сколами подживления фронта (380 экз.), полуреберчатыми пластинами (142 экз.), сколами подправки дуги скалывания (68 экз.), сколами подправки площадки (35 экз.), реберчатыми пластинами (11 экз.), сколом-«таблеткой» и сколом с запыряющим окончанием. Категория отходов производства в виде обломков, осколков, отслоек и чешуек насчитывает 4505 экз.

Орудийный набор местонахождения насчитывает 217 экземпляров.

Табл. 10. Орудийный набор местонахождения им. И. В. Арембовского.

тип орудия	экз.
пластины с ретушью по одному краю	12
пластины с ретушью по обоим краям	10
пластины с ретушью по периметру	6
скребки концевые	19
скребки концевые двойные	1
скребки боковые двойные	1
проколки	7
острия	2
ножевидные	2
скребла одинарные продольные выпуклые	1
долотовидные двойные	1
пластины со скошенным ретушью краем	2
сколы с эпизодической ретушью	153
Итого	217

На основе анализа коллекции каменных артефактов возможно реконструировать несколько стратегий в расщеплении аргиллита. Первая

стратегия, наиболее массово представленная в материалах стоянки, направлена на получение пластин. В ее рамках использовался плоскостной принцип с параллельным способом снятия заготовок. О ее применении свидетельствуют остаточные продольные, бипродольные, продольные альтернативные, поперечные и бипоперечные нуклеусы. В рамках второй стратегии использовалось леваллуазское расщепление для получения отщепов. В индустрии о нем свидетельствуют только четыре нуклеуса, продуктов применения леваллуазской техники не зафиксировано. Наименее представленная в материалах комплекса третья стратегия была направлена на получение отщепов при помощи радиального способа скальвания. Немногочисленные нуклеусы объемного принципа расщепления, документирующие производство пластин, вероятнее всего являются случайными продуктами.

Немногочисленная коллекция формальных орудий тем не менее сохранил достаточно характерные предметы для индустрий раннего верхнего палеолита – концевые скребки, ножевидные изделия, разнообразные ретушированные пластины (в том числе пластины со скошенным ретушью краем), острия. Подавляющее большинство орудий оформлено на пластинах, из 64 экземпляров только восемь изготовлено из отщепов. Единственным приемом вторичной обработки в материалах является ретушь. В большинстве случаев она представлена дорсальной чешуйчатой, наклон варьирует в зависимости от необходимости от крутой до плоской. Присутствует оформление ретушью аккомодационных участков у орудий. Степень модификации ретушью средняя, форма заготовки как правило сильно не изменена.

Раздел 3.2. *Местонахождение им. М. П. Аксенова* посвящен характеристике стратиграфического строения геологических напластований, фаунистических остатков, хронометрии отложений и анализу каменной индустрии стоянки им. М. П. Аксенова.

В стратиграфическом разрезе зафиксировано четыре литологических слоя. Строение и морфология перекрывающих юрскую кору выветривания (слой 4) песков слоя 3 указывает на их муруктинский возраст. Лежащие на них седименты слоя 2 по своему облику и механическому составу могут быть интерпретированы как каргинские в широком смысле – для более подробной атрибуции здесь не фиксируется реперных для каргинских отложений почвенных образований. Возможно, перепашкой слоя 1 были переработаны отложения не только голоценового и сартанского возраста, но и позднекаргинские образования. При отсутствии абсолютных датировок на сегодня возраст культурных остатков местонахождения определяется в широких пределах от каргинского до сартанского времени.

Археологический материал залегал в слоях 1 и 2; при обработке каменной коллекции обнаружилось многочисленное количество аппликационных связей между артефактами этих слоев, что позволило нам рассматривать коллекцию материала как единый комплекс, частично переотложенный под воздействием антропогенных факторов. Помимо каменных артефактов, в слое 2 был обнаружен разрушенный зуб *Bos sp./Bison pr.*

Каменная индустрия насчитывает 324 экземпляра. Сырье в основном представлено аргиллитом разной степени кремненности (91,7 %), значительно меньше присутствует кремнь (5,2 %) и кварцит (3,1 %).

Нуклеидные изделия насчитывают восемь типологически выраженных нуклеусов.

Табл. 11. Нуклеидные изделия местонахождения им. М. П. Аксенова.

тип нуклеуса	экз.
<i>плоскостные</i>	
радиальные	1
продольные	1
бипродольные	2
<i>торцовые</i>	
торцовые	2
торцовые бипродольные	2
Итого	8

Индустрия сколов насчитывает 175 экземпляров, в это число входят шесть технических сколов, 62 пластины, девять пластинок и 98 отщепов. Технические сколы представлены четырьмя фрагментами полурезберчатых пластин, одним сколом подправки ударной площадки и одним сколом поджигления фронта. Категория отходов производства в виде обломков, осколков и чешуек насчитывает 108 экз.

Орудийная коллекция местонахождения насчитывает 33 изделия.

Табл. 12. Орудийный набор местонахождения им. М.П. Аксенова.

тип орудия	экз.
скребки концевые	4
ножевидные	2
пластины с ретушью по периметру	1
пластины с ретушью по одному краю	1
выемчатые	2
шиповидные	1
скребла одинарные продольные вогнутые	1
острия	1
сколы с эпизодической ретушью	15
фрагменты орудий	5

На основе имеющихся данных возможно реконструировать три основных стратегии расщепления камня. Первая стратегия, наиболее всего представленная в материалах стоянки, была направлена на получение пластин и отщепов. Пластины реализовывались в рамках плоскостного принципа параллельным однонаправленным и встречным способом скалывания. Вторая стратегия связана с радиальным способом скалывания для получения отщепов. Она фиксируется наличием в коллекции радиального нуклеуса и отщепов с конвергентной и радиальной огранкой дорсальных поверхностей. Третья стратегия расщепления связана с получением мелкопластинчатых снятий. Пластинки реализовывались исключительно с торцовых нуклеусов параллельным однонаправленным скалыванием.

Наиболее представительными категориями в орудийном наборе местонахождения являются верхнепалеолитические типы – концевые скребки, ретушированные пластины и ножевидные изделия. Заготовками для орудий выступали как пластины, так и отщепы, редко использовались плитки аргиллита. Основным модифицирующим приемом вторичной обработки выступает чешуйчатая захватывающая ретушь, дислоцированная на дорсальной поверхности орудия, с наклоном от плоской до крутой. Наряду с типологически выраженными орудиями, в коллекции содержится достаточно много (почти половина от общего количества орудий) изделий с ретушью утилизации, имеющих слабую степень модификации изначальной заготовки.

Раздел 3.3. *Местонахождение Седова* посвящен характеристике стратиграфического строения геологических напластований, фаунистических остатков, хронометрии отложений и анализу каменной индустрии стоянки Седова.

Вскрытая разрезом общей мощностью 7,5 м стратиграфическая последовательность включает в себя 14 литологических слоев. Археологический и фаунистический материал залегает по всей толще литологического слоя 4, вовлечен в раннесартанский солифлюксий. Фаунистические остатки принадлежат *Bison priscus/Bos sp.* и *Equus sp.*, также выявлены такие виды, как *Mammuthus sp.*, *Canis lupus*, *Alopecurus lagopus*, *Panthera spelaea*, *Coelodonta antiquitatis*, *Cervus elaphus*, *Capreolus sp.*, *Rangifer tarandus*, *Saiga borealis*, *Lepus sp.* Такого рода ассоциации характерны для позднекаргинского времени [Клементьев, 2013]. По фаунистическим остаткам получена серия радиоуглеродных дат – 20690±110 (ТКа–15059), 22450±310 (СОАН–8297), 23740±240 (СОАН–7845), 23900±340 (СОАН–8090), 25160±280 (СОАН–7846), 25250±400 (СОАН–7844), 25520±160 (ТКа–15060). Основная группа датировок также

подтверждает возрастную атрибуцию культуросодержащих отложений как изначально сформированных в финале каргинского интерстадиала.

Каменная индустрия насчитывает 151 экземпляр. Сырье представлено микрокварцитом (44,4 %), кремнистыми породами (25,8 %), кварцитами (15,2 %) и эффузивами (14,6 %). В коллекции насчитывается всего три нуклевидных изделия. Типологически выраженный нуклеус присутствует в единственном экземпляре. Это изделие из кремневой гальки, относится к плоскостным продольным нуклеусам для пластин из кремня. Индустрия сколов насчитывает 68 экземпляров, среди них два технических скола, 56 отщепов, семь пластин и три пластинки. Технические сколы представлены сколами подживания фронта. Категория отходов производства в виде обломков, осколков и чешуек насчитывает 68 экз.

Всего в коллекции орудий местонахождения Седова 12 экземпляров.

Табл. 13. Орудийный набор местонахождения Седова.

тип орудия	экз.
скребла одинарные продольные прямые	2
скребла одинарные продольные выпуклые	1
скребла двойные продольные прямые	1
скребла двойные продольные выпуклые	1
скребла конвергентные прямые	1
скребла поперечные выпуклые	1
скребки боковые	1
скребки на 2/3 периметра	1
пластины со скошенным ретушью краем	1
пластины с эпизодической ретушью	2
Итого	12

Примечательно, что ни в нуклеарных формах, ни среди технических сколов нет предметов из микрокварцита – вероятно, на стоянку этот субстрат приносили в виде сколов-заготовок. Сколы-заготовки представлены как отщепами, так и в меньшей степени пластинами, при этом представительство отщепов/пластин в виде орудий паритетно.

В орудийном наборе доминируют скребла, разнообразные в своих вариантах. Также присутствуют скребки и ретушированные пластины. Вторичная обработка представлена исключительно ретушью, причем интенсивность обработки очень высокая – в большинстве случаев степень модификации заготовки не позволяет судить о первоначальной форме скола. Вероятно, орудия из микрокварцита переживали несколько циклов подживания и переоформления – на это указывает как степень модификации, так и более, чем один рабочий участок у почти половины изделий.

Четвертая глава «Место комплексов Иркутского геoarхеологического района в контексте индустрий раннего верхнего палеолита Сибири» посвящена корреляциям индустрий раннего верхнего палеолита Иркутского геoarхеологического района с синхронными комплексами на сопредельных территориях.

В Разделе 4.1. *Сравнительный анализ комплексов раннего верхнего палеолита Иркутского геoarхеологического района* описанные ранее комплексы подвергаются сравнительному анализу. Комплексы раннего верхнего палеолита Иркутского геoarхеологического района разделяются на два последовательных варианта. Первая группа, названная по наиболее информативному местонахождению мамонской, включает в себя индустрии стоянок Мамоны II (2 ур.), Герасимова I (2 ур.), Спартак I и Шапова I. Для данных комплексов в камнеобработке характерна утилизация галечного сырья низкого качества, находящегося в непосредственной близости от местонахождений (до 1 км). Каменное производство было направлено на получение заготовок отщеповых пропорций в рамках плоскостного принципа расщепления с минимальной подготовкой нуклеусов. В орудийных наборах наряду с изделиями верхнепалеолитического облика (высокие концевые скребки, резцы, ретушированные пластины) присутствуют такие среднепалеолитические типы, как скребла, шиповидные изделия. Яркой отличительной особенностью комплексов мамонской группы являются предметы неутилитарного назначения, изготовленные из мягких пород камня и рога. Для данных предметов характерен устойчивый набор признаков, как технологических (использование при изготовлении приемов резания, шлифовки, встречного биконического сверления), так и стилистических (геометрический характер изделий, ритмичные глубокие насечки по краю предметов, сквозные прорезы и отверстия). На основе радиоуглеродных датировок, литостратиграфии и фаунистических характеристик культуросодержащих отложений, мамонская группа индустрий была отнесена к временному интервалу 40–28 тыс. л. н.

Вторая группа, названная арембовской, включает в себя индустрии стоянок им. И. В. Арембовского, им. М. П. Аксенова и Седова. Для этих комплексов характерно использование качественного изотропного сырья, как местного (до 1 км), так и экзотичного. В первичном расщеплении индустрии характеризуются направленностью на получение крупных широких пластин в рамках плоскостного продольного и бипродольного скальвания, также присутствует незначительная доля радиального расщепления. Орудийные наборы содержат яркие верхнепалеолитические изделия, в том числе такие специфические типы, как пластины со скошенным ретушью краем. Основываясь на данных литостратиграфии,

фаунистических определений и радиоуглеродных датировках культуросодержащих отложений, возраст арембовской группы индустрий определен в рамках 26–24 тыс. л. н.

Проблема происхождения индустрий как мамонской, так и арембовской группы, на сегодня остается нерешенной. В региональном масштабе нет четко стратифицированных среднепалеолитических комплексов, которые можно было бы назвать предковыми по отношению к рассмотренным. Имеющиеся экспонированные материалы предположительно среднепалеолитического возраста (серия местонахождений на ангарских горах) обладают слишком архаичными технико-типологическими характеристиками для того, чтобы видеть в них исток развития описываемых индустрий начала верхнего палеолита. Макаровский пласт также не обладает в настоящее время твердыми позициями ни в хронологическом, ни в содержательном смысле, и требует новой атрибуции с привлечением современных методов как в оценке археологических материалов, так и в датировании.

Раздел 4.2. *Комплексы Иркутского геоархеологического района в схеме индустрий раннего верхнего палеолита Сибири* посвящен поиску аналогов рассмотренным индустриям на близлежащих территориях. При обращении к синхронным материалам сопредельных территорий (Забайкалье, Монголия, Алтай и Енисейская Сибирь) было установлено, что индустрии мамонской группы находят явные аналоги только в предметах неутилитарного назначения. Наиболее полный набор признаков, выделенный у предметов иркутских местонахождений, присутствует в материалах местонахождения Малая Сья (Кузнецкий Алатау); менее выражены искомые признаки на изделиях стоянки Хотык (Западное Забайкалье). При этом в технико-типологическом отношении комплексы мамонской группы несопоставимы ни с тем, ни с другим, что вероятно свидетельствует о сырьевом характере технологической адаптации древнего населения в период 40–28 тыс. л. н. на территории Иркутского геоархеологического района.

Комплексы арембовской группы находят большое количество схожих индустрий на сопредельных территориях. Специфические приемы камнеобработки (плоскостное продольное и бипродольное расщепление для пластин, незначительная доля леваллуазского расщепления) и характерный орудийный набор (разнообразные ретушированные пластины, острия на пластинах, пластины со скошенным ретушью краем) начинают появляться на обрамляющих Прибайкалье территориях гораздо раньше, чем появляются здесь. Наиболее их ранние проявления фиксируются в районе 45 тыс. л. н. на Алтае (Кара-Бом, ВП2) [Дервянко и др., 1998; Дервянко, 2001; Дервянко, Рыбин, 2003], в Монголии

(Толбор-4, сл. 6–5) [Деревянко и др., 2013] и Забайкалье (Подзвонкая, Нижний комплекс) [Ташак, 2014]. Синхронные арембовской группе индустрии здесь являются развитием сибирского РВП, его финальным эпизодом (например, комплекс местонахождения Толбага, ставшего эпонимом толбагинской культуры) [Константинов, 1994; Васильев, Рыбин, 2009].

Пришедшие на смену индустрии средней поры верхнего палеолита в Прибайкалье, в региональном масштабе имеющие возрастные рамки в пределах 22–18 тыс. л. н., имеют мало общих черт как с мамонской, так и с арембовской группой комплексов. Основной маркирующей индустрией региона этого времени является материальный комплекс Мальты, для которой характерно мелкопластинчатое производство в рамках объемного расщепления пирамидальных и подпирамидальных нуклеусов, представительный набор орудий на мелкопластинчатых заготовках, а также яркое проявление символической деятельности в виде мелкой антропо- и зооморфной пластики [Медведев, 1983; Липнина, 2002, 2008; Кимура, 2003]. Возможно, именно в символической деятельности прослеживается преемственность между мамонской группой индустрий и мальтинско-буретской культурой, но на сегодня для такого рода утверждений недостаточно оснований.

В заключении подведены итоги исследования, сделаны обобщающие выводы, соответствующие защищаемым положениям.

Основные положения диссертации отражены в 14 публикациях общим объемом 9,9 п. л. (авторский вклад – 5,1 п. л.):

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Роговской Е.О., Воробьева Г.А., Попов А.А., **Когай С.А.** Результаты исследований палеолитического местонахождения Седова в Иркутске // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, Вып. 5: Археология и этнография. – С. 132–140. (1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

2. Роговской Е.О., **Когай С.А.**, Козырев А.С., Попов А.А. Палеолитические объекты среднего и верхнего неоплейстоцена Иркутска: проблемы и перспективы изучения // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, Вып. 5: Археология и этнография. – С. 97–107. (1 п. л.; авторский вклад 0,4 п. л.).

3. **Когай С.А.**, Роговской Е.О. Каменная индустрия позднепалеолитического местонахождения Мамоны II в контексте позднекаргинских – раннесартанских материальных комплексов Иркутска // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – Т. 22. – С. 3–23. (1 п. л.; авторский вклад 0,8 п. л.).

4. Khenzykhenova F., Sato T., Lipnina E., Medvedev G., Kato H., **Kogai S.**, Maximenko K., Novosel'zeva V. Upper paleolithic mammal fauna of the Baikal region, east Siberia (new data) // Quaternary International. – 2011. – Vol. 231, Is. 1–2. – P. 50–54. (0,8 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов

5. **Когай С.А.**, Липнина Е.А., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Ощепкова Е.Б., Хензыхенова Ф.И., Клементьев А.М. Палеолитическое местонахождение Герасимова I: новая жизнь Переселенческого Пункта I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 110–113. (0,3 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

6. Ларичев В.Е., Липнина Е.А., Медведев Г.И., **Когай С.А.** Ангарский палеолит: у истоков «художественного творчества» ранних Homo Sapiens Восточной Сибири и начало обретения ими протонаучных знаний о природе // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Б.Э. Петри. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 249–264. (1 п. л.; авторский вклад 0,2 п. л.).

7. **Когай С.А.**, Роговской Е.О. Орнаментированные предметы из раскопок палеолитического местонахождения Мамоны II (Иркутск) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – №1. – С. 62–70. (0,5 п. л.; авторский вклад 0,4 п. л.).

8. Семин М.Ю., **Когай С.А.**, Роговской Е.О. Спартак I – новое палеолитическое местонахождение в Иркутске // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 9. – С. 34–45. (1 п. л.; авторский вклад 0,8 п. л.).

9. Липнина Е.А., **Когай С.А.** Каменная индустрия позднепалеолитического местонахождения им. М. М. Герасимова (Герасимова I) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2015. – Т. 14. – С. 3–23. (1 п. л.; авторский вклад 0,8 п. л.).

10. Семин М.Ю., **Когай С.А.**, Молчанов Д.Н. Новое местонахождение каменного века в Иркутске – стоянка им. М. П. Аксенова // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Вып. 6. – 2017. – С. 154–160. (0,5 п. л.; авторский вклад 0,4 п. л.).

Материалы конференций и тезисы докладов

11. **Kogay S.A.**, Lipnina E.A., Medvedev G.I., Popov A.A., Oschepkova E.B., Lokhov D.N., Maksimenko K.M., Novoseltseva V.M., Rogovskoy E.O., Orlova L.A., Khenzykhenova F.I. Gerasimova I locality of Paleolithic culture (“Pereselenchesky Punkt I”) on the territory of constructing “Zarechny” residential complex in Irkutsk city // The XII International Symposium Suyanggae and her neighbours. Prehistoric migrations in Eurasia and America. – Krasnoyarsk, 2010. – P. 124–138. (0,5 п. л.; авторский вклад 0,2 п. л.).

12. **Когай С.А.** Каменные артефакты местонахождения Герасимова I // Siberia and Japan in the Late Paleolithic Period. Adaptive Strategies of Human in the Last Glacial Period. – Tokyo, 2010. – P. 85–90. (0,5 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).

13. Роговской Е.О., **Когай С.А.** Геолого-геоморфологические условия расположения палеолитических объектов Иркутска // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Изд-во Отечество, 2014. – Т. IV. – С. 358–361. (0,5 п. л.; авторский вклад 0,2 п. л.).

14. Роговской Е.О., **Когай С.А.** Стратиграфические условия залегания культурных остатков на палеолитических объектах Иркутска // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы IX Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (г. Иркутск, 15–20 сентября 2015 г.). – Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2015. – С. 389–391. (0,3 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).